



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 40, Is. 6, pp. 130–139, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-40-6-129-138
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК81'362:811.512.1:811.512.3

Типология форм выражения сравнительных отношений в монгольских и тюркских языках*

Мушаев Владимир Наранович¹,

Абдуллаев Сайфулла Нурмухамедович²

¹ доктор филологических наук, профессор, кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, Калмыцкий государственный университет (358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8321-7667>. E-mail: mushaev_vn@mail.ru

² доктор филологических наук, профессор, Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова (722200, Кыргызская Республика, г. Каракол, ул. Абдрахманова, 103) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2873-6397>. E-mail: igu@issyk-kul.kg

Аннотация

Введение. Современным способом познания себя и окружающего мира является системная и последовательная оценка и интерпретация увиденного и воспринимаемого через языковые картины мира. Одним из средств определения этнолингвистического ядра языкового сознания носителей языка являются сравнительные конструкции.

Говоря об истории изучения данных лингвистических образований, необходимо отметить, что на материале индоевропейских и ряда языков алтайской семьи сравнительные конструкции исследовались с использованием традиционных формальных и семантических подходов.

Цель работы — исследование с точки зрения современных направлений в лингвистике функции и формы сравнительных образований. Структура и логика работы обусловлена решением следующих задач: выделение лексико-семантических групп, установление грамматических форм их выражения и определение их типологической близости в изучаемых языках.

Материалы. На материале тюркских и одного из монгольских языков — калмыцкого — изучаются основные типологические формы выражения сравнительных отношений по трем основным группам: а) с лексическими показателями сравнения; б) сравнительные конструкции с морфологическими показателями сравнения; в) сравнительные конструкции с показателями в составе предикативных единиц и развернутых оборотов. В качестве иллюстративного материала для исследования привлекаются два сборника прозы классика калмыцкой советской литературы Б. Б. Дорджиева: роман в двух частях «Верный путь» и сборник очерков и рассказов «Люди моего поколения». Примеры из тюркских языков взяты из газетных и фольклорных текстов, а также художественных произведений. Методом сплошной выборки из указанных текстов для обобщений выписано более 200 различных форм сравнительных конструкций.

Результаты исследования. Рассмотрены три основные лексико-синтаксические группы сравнительных конструкций в монгольских и тюркских языках в свете современных лингвистических теорий. Изучены их функционально-грамматические характеристики, которые по-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-04-00312-ОГН.

зволяют говорить о типологической близости механизмов и типов компаративных моделей в изучаемых языках. —

Ключевые слова: сравнительные конструкции, предикативная единица, полипредикативные предложения, коммуникативный аспект, грамматический аспект, модус, интерпретационный аспект

Выделяя вслед за основными функциями языка три системы языковой картины мира (лексическую, грамматическую и модусную), ученые подчеркивают, что каждая из этих систем имеет свои концепты и категории. Лексические концепты и категории, реализуя познавательную функцию, представляют наше знание о мире и являются языковым аналогом естественных объектов и объектов внутреннего мира человека. Грамматический, коммуникативный аспект определяет, как знание о мире представляется и систематизируется в языке по правилам и закономерностям вербального общения и обеспечивает его существование как семиотической системы. Модусный или интерпретационный аспект, являясь по содержанию: оценкой, отрицанием, приближением к ориентиру, экспрессивностью, тональностью, эвиденциальностью, способствует объяснению объектов, событий и знаний о них обязательными носителями, т. е. главной их особенностью является их связь с определенной функцией [Болдырев 2016: 56–57].

В этом плане обращение к типологическим вопросам сравнительных отношений как одной из форм интерпретационного аспекта функции языка представляется нам интересным и актуальным.

В нашей статье на материале тюркских и одного из монгольских языков — калмыцкого — рассмотрены основные типологические формы выражения сравнительных отношений.

В качестве иллюстративного материала для исследования привлечены два сборника прозы классика калмыцкой советской литературы Б. Б. Дорджиева: роман в двух частях «Верный путь» и сборник очерков и рассказов «Люди моего поколения». Примеры из тюркских языков взяты из газетных и фольклорных текстов, а также художественных произведений. Методом сплошной выборки из указанных текстов для обобщений выписано более 200 различных форм сравнительных конструкций.

Говоря об истории изучения данных лингвистических образований, необходимо

отметить, что на материале индоевропейских и ряда языков алтайской семьи сравнительные конструкции исследовались с использованием формальных и семантических подходов [Демьянков 1994].

Современные исследования данных образований предусматривают системное их рассмотрение с использованием всех трех приведенных выше способов концептуализации и категоризации функций языка.

Русисты включают в компаративное пространство языка следующие лексико-синтаксические единицы: сравнительные обороты; предложно-падежные сочетания с предлогами *в виде, на подобие*; обороты с предикативным словом *похож, напоминает*; родительный сравнения, творительный сравнения, сравнительные прилагательные, метафоры-сравнения. Они выделяют четырехкомпонентную модель: а) предмет (объект) сравнения, б) эталон (образец) сравнения, в) показатель (грамматическая форма) сравнения, г) модуль (признак) сравнения [Черемисина 1976].

Работа тюркологов на материале уйгурского, якутского, хакасского, алтайского и тувинского языков при анализе и теоретическом осмыслении устойчивых комплексов, специализирующихся на выражение сравнительных отношений, также опираются на исследования М. И. Черемисиной [Абдуллаев 1989; Васильев 1980, 1983; Донидзе 1975; Тыбыкова 1988; Черемисина, Шамина 1996].

В монгольском языкознании в разделах научных грамматик и в отдельных статьях после традиционного формально-семантического подхода в настоящее время появились первые комплексные проекты, изучающие компаративное пространства языка как с теоретической, так и с практической (лексикографической) стороны и роль данного языкового явления для познания этнокультурных, социальных и индивидуальных признаков когниции [Пюрбеев 2016; Пюрбеев, Голубева 2017; Мушаев 2017; Эрдниева 2017++]. При этом следует подчеркнуть, что объектом исследования пока являются материалы устного народного творчества.

Несмотря на разнообразие подходов, мнений и терминов, рассмотренные выше работы достаточно близки в отношении компонентов, а также механизма и моделей сравнений.

Первое: представление о сравниваемом: Предмет / тема / объект.

Второе: выделяемый для сравнения признак: Модуль / модуль / признак-основание.

Третье: то, с чем производится сравнение: эталон / эталон / образец.

И четвертый компонент, выделяемый на материале русского языка, — показатель сравнения или грамматические формы сравнений используются изначально при делении или в ходе анализа лексико-синтаксических групп (единиц) [Черемисина 1976; Голубева 2016].

Обратимся к примерам:

Калм. *Ик балһснд бээх мет, олн давхр өндр гермүд, электрогерл, тоосн-тоорм хардо голун девскртэ хаалһ, өндр модта парк ода деерэн манад уга* [ҮҮ 1967: 19] ‘Многоэтажных высоких домов, как в больших городах, электроосвещения (улиц), дорог с твердым покрытием, парка с зелеными насаждениями пока у нас нет’.

Уйг. *Мэн булбул болун сайраймэн, Аңлисун дэн яримни* (песня) ‘Буду петь, как соловей, чтобы услышала моя возлюбленная’.

Здесь сравнительные конструкции заключены в первой части предложений: *Ик балһснд бээх мет олн давхр өндр гермүд* (калм). *Мэн булбул болун сайраймэн* (уйг.). Предмет сравнения — *гермүд, мэн*. Признак для сравнения — *олн давхр өндр, сайраймэн*. Объект сравнения — *ик балһсн, булбул*.

Обращаясь к способам выражения сравнительных отношений, мы выделяем в качестве конструктивно ведущего компонента именно показатель (признак) сравнения [Пюрбеев 2016]. Считаем, что непосредственно через показатель сравнения удобнее всего представить сами сравнительные конструкции тюркских и монгольских языков. Исходя из этого утверждения, все множество сравнительных конструкций можно разделить на три основные группы:

1) сравнительные конструкции с лексически автономным показателем сравнения;

2) сравнительные конструкции с морфологическими показателями сравнения;

3) сравнительные конструкции с показателями сравнения в составе предикативных единиц и развернутых оборотов.

Как показывает материал, между наметченными группами есть и переходные типы, в которых можно наблюдать совмещение нескольких лексико-грамматических средств выражения [Болдырев 2006].

Сравнительные конструкции с лексическими показателями сравнения. В таких сравнительных образованиях употребляются показатели, которые представлены отдельными словоформами. Это могут быть послелоги, делексикализованные деепричастные и причастные формы глагола, служебные слова, которые тюркологическая традиция называет союзами, а в монгольских языках они чаще всего выступают в функции союзных слов. Рассмотрим их на материале изучаемых языков.

Сравнительные конструкции с послелогами. В современных тюркских и монгольских языках функционируют послелоги, которые активно привлекаются для выражения сравнительных отношений. Это калм. *мет, эдл, кевтэ*; бур. *адли мэтэ*; уйг. *охиаш, кэби, симан*; тат. *кебек, шикелле, сыман*; кырг. *охиош, сыяктуу, шекилдүү*; тув. *ышкаш*; хак. *осхас*. Сошлемся на конкретные примеры из рассматриваемых языков.

Калм. *Мацг теругэн харнь-ханһэд күрэд, көльн дөрэд күрэд, өсэд-босад, олна нүүрт харад, эмтнлэ эдл колхозин көдлмит орцад йовхла, зальврад йовхас талдан уханседкл энүнд уга билэ* [ҮҮ 1967: 16] ‘Мацак его (сына) вырастила, когда (он) стал работать, повзрослел, стал на виду, наравне со всеми (как все) работая в колхозе, и других мыслей, кроме как молиться о лучшем, у нее не было’.

Калм. *Туллан холсн кевтэ долисн боладл бээнэл* [ЧХ 1963: 36] ‘Ведет себя легкомысленно, словно корова, которая отказалась от теленка’.

Калм. *Нег-негн деерэн давхиж гүүнэр хурнялсн халхнь уут мет унжад, зальнь буурсн хойр нүднэни зөрүлсн үзгүрн удан тотхжэ ширтдмн* [ҮҮ 1967: 71]. ‘Накладываясь друг на друга, глубокие складки щек висели, словно мешки, померкший взгляд ее глаз долго сосредоточенно останавливался на предмете’.

Уйг. *Қәшкәрниң қизлири асмандики юлтузга охшаш чирайлық* (песня) ‘Девушки Кашгара красивы, словно звезды на небе’.

Уйг. *Роза қалқан симан көл сәлбий көрүнүшләрдин қоздайду* (из газеты) ‘Пост, словно щит, защищает от многих отрицательных вещей’.

Уйг. *Мәрвайит кәби чирайлиқ вә таза бу көл паскинилини хәвипи астида қалмақ* [ТК һМ 1976: 83] ‘Красивое и чистое, как жемчужина, озеро остается под угрозой загрязнения’.

Как видно из примеров, сравнительные отношения в данном случае передаются при помощи устоявшихся падежно-последложных конструкций:

Уйг. Дат. падеж + *охшаиш*; основной (неопределенный) падеж + *кәби, симан*. Валентность послелогов отличается. В этом смысле *кәби* и *симақ* противостоят *охшаиш*.

Калм. Соед. падеж + *әдл*; Им. падеж + *кевтә, мет*. Валентность послелогов также различна.

Если в данном отношении рассмотреть материалы других тюркских языков, то картина будет следующей. Татарские сравнительные послелогов, управляемые основным (неопределенным) падежом субстантивного компонента, также вполне подпадают под разряд падежно-последложных конструкций, например:

Тат. *Казарып пешкән алма кебек кояш чыкты* (песня) ‘Взошло солнце, словно красное яблоко’.

Тат. *Урамда торган яшләр шүрәлә шикелле кыланалар* [БФ А 2016: 61] ‘Молодежь на улице ведет себя, как шурале’ (мифическое существо из фольклора).

Тат. *Озатып калырысың безне, Казан, Баласын очырган кош сыман* (из песни) ‘Проводишь нас в путь, Казань, словно птица, выпускающая птенцов из гнезда’.

В рассматриваемых примерах данной группы валентность служебных слов в киргизском языке близка к уйгурскому, а в тувинском языке послелог *ышкаш* ‘как, словно’, как и в калмыцком языке, может сочетаться с формой номинатива:

Кирг. *Карышкырга охиош чоң иттер чуркап чыргышты* [СА А 1987: 28] ‘Выбежали крупные, словно волки, собаки’.

Кирг. *Карагат сыман кыздын көздөрү жылмайып турду* [СА А 1987: 36] ‘Похожие на черную смородину, глаза девушки улыбались’.

Кирг. *Ак кийим сыяктуу жерди кар каптады* (из песни) ‘Снег покрыл землю, словно белое одеяние’.

Тув. *Карактарын коре каантарымга, мырынай-ла бышпаан кызыл-кат ышкаш шангыр-шангыр болду* (разг.) ‘Когда я посмотрел ей в глаза, они были как невызревшая красная смородина’.

Конструкции с делексикализованными деепричастиями и причастными формами глагола в сравнительных образованиях в исследуемых языках достаточно разнообразны по форме, поскольку предмет, признак и объект сравнения в каждом языке зависит от интерпретационного (модусного) аспекта.

Калм. *Түрмишиг, зовлң гидг юмн тигәдл, күүг оңдарулад, ухан-серлинь үрәһәд, зуркинъ модн, чолун болһад оркдг юмн санжәл бишиш* [ҮҮ 1967: 79] ‘Нужда и невзгоды такие вещи, которые могут человека изменить, испортить сознание, его сердце становится черствым, подобным дереву, камню’. В данном примере предмет сравнения — *зуркинъ* ‘сердце’, признак сравнения — *модн* ‘дерево’, *чолун* ‘камень’ (метафоры), объект сравнения — *болһад оркдг юмн* (глагольная форма: *болһ* + деепр. форма *-ад/*, гл. ф. *орк* + прилаг. + *дг*) ‘превращающийся предмет’.

Калм. *Әдниг дахж, мөңк көк теңрт мөңг сар маасхлзж инәсн болад, амулңта сөөни делкәд альмн улан туян солңһтрсн болад, ... байр өргмж хойриг багтаж ядсн болад одна* [ҮҮ 1967: 70] ‘Вместе с песней, как будто на вечном синем небе улыбается серебряная луна, в спокойном ночном пространстве мерцает яблочно-красный луч, словно не может вместить в себя радость и вдохновение’. Предмет сравнения — *туян* ‘луч’; признак сравнения — *багтаж ядсн болад* = (гл. ф. *багта* ‘вместить’ + деепр. ф. *-ж* / гл. ф. *-яд* ‘не суметь’ + прич. *-сн* / гл. ф. *бол* + деепр. ф. *-ад*); объект сравнения — *байр өргмж хойр* — ‘радость и вдохновение’.

В рассматриваемом эмпирическом материале из произведений Басанга Дорджиева следует отметить ряд наиболее употребляемых и интересных форм сравнительных конструкций. Из падежно-последложных образований широко используются модели: Им. форма + Исх. падеж *-ас* / послелогов *даву* ‘более’; *дор* (с допол. частиц) ‘хуже’; *деер* ‘выше, лучше’, например:

Калм. *Нанас даву чик зарһч гиж нань уга юмн* [ҮҮ 1967: 136] ‘Более справедливого судь, чем я, не существует’.

Би ода урдкаси нам хол деер бәәнәв [ҮҮ 1967: 117] ‘Я сейчас живу намного лучше, чем раньше’.

Янжсахмб? Бидн теднэс дорийвдн? [ҮҮ 1967: 122] ‘Что они делают? Мы разве хуже них?’

Достаточно архаичные формы *чигэ, чигэхэр, тедү, чигэхэр, дүңгэ* используется в качестве средств сравнения:

Калм. *Томад дала сонъмслһта, седкл тусхам чигэ аһурсн болж сангддог билэ* [ҮҮ 1967: 27] ‘Для Тома занятия с животными не считалось интересным, которое полностью может овладеть ее сердцем’.

Калм. *Тедү чигэхэр мини эмг эк олн юм келдг билэ* [ҮҮ 1967: 132] ‘Подобным же образом моя теща говорила многое’.

Калм. *Эн хоорад зарц элчнрин негнь, хальмг бүрэ бүшкүрэс нээмн сай ут, хар модн сурулта, найн буурин толһан дүңгэ һанзиг хана һарт атхулад өгэд оркв* [ҮҮ 1967: 141] ‘Между тем один из прислужников посланника вручил в руки хана трубку размером с голову восьмидесяти верблюдов-самцов, с мундштуком в восемь миллионов раз длиннее калмыцкой большой трубы’.

В последнем примере используется метафорическая форма сравнения, широко применяемая в калмыцком фольклоре. Еще одним из компаративных образцов устного народного творчества являются образования с использованием образно-ассоциативных, застывших кратких глагольных форм типа *бүлтс, сард, шүрд, укс, идс* и т. д. [Мушаев, Мушаева 2016].

Калм. *Элчин нүднь бүлтс, чикнь сард, хормань шүрд гисн бола, халэх хоорнд, уга болад одв* [ҮҮ 1967: 137] ‘Как будто глаза посланника моргнули, уши наострились, подол бишмета колыхнулся — и он исчез в одно мгновение’.

К типологическим особенностям сравнительных конструкций с лексическими показателями в рассматриваемых языках следует отнести образования с делексикализованной причастной и деепричастной формами в калмыцком языке и деепричастной формой *болуп*, образованной от глагола *бол-* в тюркских языках. Приведем примеры:

Кирг. *Таң сакчылары болуп иттер чыга калышты алдыбыздан* (из газеты) ‘Собаки выскочили перед нами, словно стражи расвета’.

Уйг. *Мән булбул болуп сайраймэн, Аңлисун дән яримни* (песня) ‘Буду петь, как соловей, чтобы услышала моя возлюбленная’.

Тат. *Кызлар һәм егетләр сабантуе ияляре булып эшкә керештеләр* (разг.) ‘Девушки и парни, словно хозяйева сабантуя, приступили к делам’.

Тув. *Шак ынчалдыр халып олурумда, хенертен чык дээн соонда, дээр кызаңнаажы болуп, бажымче моң-биле соп-ла турар ышкаш* (разг.) ‘Когда я бегал, не теряя свой темп, вдруг как грянуло, мне стало казаться, что меня бьют дубиной, как молнией’.

Итак, в данном разделе статьи сделана попытка обобщить типы компаративных образований с показателями сравнения в тюрко-монгольских языках, обусловленные характером показателя в конструкции.

Сравнительные конструкции с морфологическими показателями сравнения

Из морфологических средств употребительными в тюрко-монгольских языках считаются аффиксы употребления (тюрк.) *-дәк/-дай* (варианты: *-тәк/ -дөй*); *-шиң* (варианты: *гишиң, -шиң мет*):

Уйг. *Чоканниң бели талдәк әвришим* (разг.) ‘Стан молодухи гибок, как ива’.

Калм. *Далан усшиң мелмлзж, Даңгин тосар буслыч* (из песни) [ҮҮ 1967: 55] ‘Жить нам в богатстве (букв. словно переполненный океан) и достатке (букв. маслом пищу заправляя)’.

В данных примерах вычленяются сравнительные конструкции: уйг. *бәл талдәк әвришим* ‘стан гибок, как ива’; калм. *далан усшиң мелмлзж; бәл* ‘стан’, *дала* ‘океан’ — предмет сравнения; *тал* ‘ива’, *усн* ‘вода’ — эталон сравнения; *-дәк, -шиң* морфологические показатели сравнения; *әвришим* ‘гибкий’; *мелмлзж* ‘переполненный’ — модуль сравнения. Сравните в кирг.: *Алтай жеген карышкырдай курсант* (из газеты) ‘Он доволон, как волк, съевший жеребенка’.

Из других форм аффиксов уподобления используются: в калмыцком языке аналитико-послеложные формы с морфологическими показателями: *гишиң* + имя, *-шиң мет*; в тюркских языках *-тәк, -дөй, тәй*. Примеры:

Калм. *Энүнэс көлтә кесг сааж эвго йовдлла харһсн бийнь Өлзәт «сурн юмн-сурар боов чигн болдо гишиң үлгүрәр, дасмәжан мартж чадхи»* [ҮҮ 1967: 110] ‘Сколько бы из-за этого Эльзат ни попадала в неудобные ситуации, но все подобно тому, как говорится в пословице «привычка — вторая натура»’.

Калм. *Тер зугл бичкн күүкд эклж көлд орад, там-туми ишкжәшиң мет девсң* [ҮҮ 1967: 45] ‘Это подобно только стадии неосознан-

ных первых шагов, когда маленькие дети начинают ходить’.

Калм. *Болв зэрмдэн күн, «уух уга бээж-цээсг, унх уга бээж — жорасг» гишиң юм һарһдг билэ* [ҮҮ 1967: 118]. ‘Но иногда человек ведет себя, словно (как) в пословице «не имея ничего, любит чай, не имея ничего для верховой езды, любит иноходца»’.

Примеры из тюркских языков:

Уйг. *Келин йэргэ чункэн таиштэк мидирлимай турувалди* [СЗ ЖС 1979: 114] ‘Невестка не сдвинулась с места, словно камень, упавший на землю’.

Кирг. *Шодоканнын бүркүтүндөй болбой отурчу бир орунда* [СА А 1987: 53] ‘Не будь как беркут Шодокана и посиди спокойно на одном месте (по преданию у хана Шодокана был беркут, который кидался на все, что видел, когда его отпускали)’.

Тат. *Күчтәнәч чәкчәктәй тәмлә булып чыкты* (разг.) ‘Подарок получился вкусным, словно чак-чак’.

В киргизском языке частое употребление лексемы *ит* ‘собака’ с аффиксом уподобления привело к тому, что словоформы превратились из элемента сравнения в определение с семантикой ‘очень’: *иттей жакишы* ‘очень хороший (букв. как собака хороший)’. Другой случай трансформации компонента сравнительной конструкции (эталон сравнения) можно усмотреть в его превращении в антропоним. Например, в кирг. *Айдай* (имя девушек: букв. ‘как луна’).

Помимо указанных форм, в тюркских языках в сравнительной функции употребляются морфемы: уйг. *-чилик*, кирг. *-чилеп*, хак. *-чили*. В качестве иллюстрации приведем пример из уйгурского языка: *Сәнчилик шаир уйгур нәслидин Табу камгичә төрәлмигәнтини* (из песни) ‘Такой, как ты, поэт из рода уйгуров еще не родился до сего времени’.

В качестве наблюдения отметим, что при подобном аспекте изучения сравнительных конструкций можно заключить, что в тюрко-монгольских языках в данных образованиях управление основным падежом имен и местоимений зависит не от форманта уподобления, а от глагола, которому одинаково подчиняются как имя-объект сравнения, так и имя-эталон сравнения.

Сравнительные конструкции с показателями сравнения в составе предикативных единиц и развернутых оборотов.

На материале калмыцкого языка в рассматриваемых произведениях сравнительные конструкции наиболее активно используются в развернутых оборотах, чем в предикативных единицах:

Калм. *Эдл-ахун нег зүсн халхарнь совхоз уралан невчкх ишклхэ, наадк халхарнь, шиирнь шигдсн мет, ормасн көндрәж чадад, нам хәрнь хооран хәрэд чигн бәэдмн билэ* [ҮҮ 1967: 29] ‘Если с одной стороны хозяйство совхоза начинает развиваться, то, с другой стороны, словно ноги связаны, не может сдвинуться с места, более того, двигаться в обратную сторону’.

Калм. *Тиигэ бээж, шин анд оржах шоңхрин шүүрлһн – бәрсн меңг болһар бадмиад, дамшиад ирдг метәр, Саңһжин хурһднь салаһарн салад, саратовск гармуль, домбр гидгнь эвдән орулж дасад, көгинь орулж цокдг болад ирв* [ҮҮ 1967: 67] ‘Продолжая таким образом, словно вступающий в атмосферу соколиной охоты — (как будто) с каждой пойманной приманкой Сангаджи развивался, набирался опыта, пальцы его стали подвижными, он освоил саратовскую гармонь и домбру, стал на них исполнять произведения’.

Калм. *Толһад боосн альчур дорас сәврәд һарсн шархл үснь, хуухасн мөлтрдгин арһ хәәжәх метәр өөдән өсвкжә делснә* [ҮҮ 1967: 30] ‘Из-под платка, повязанного на голове, сбившиеся жестковатые волосы, беспокойно развевались, словно хотели встать дыбом’.

В приведенных примерах опорные компоненты в придаточных конструкциях выражаются основными формами причастий на *-сн*, *-дг*, *-х*. Кроме использованного послелога *мет* ‘словно, подобно’, к первой группе полупредикативных предложений со сравнительной семантикой можно отнести показатели: Имя + Исх. падеж *-ас* / частица *даву*; послелоги *кевтә* ‘словно’, *эдл* ‘как будто’. Примеры:

Калм. *Базр-балһс орх күүд Манжас даву амдач хәһәд керг уга гижә гмтн инәлдәж йовсмн* [ҮҮ 1967: 83] ‘Народ подшучивал, что для тех, кто хочет пойти на базар или в город, лучше Манджи переводчика не надо’.

Олна ухан-седкд таасгдәж шиңгәрәд, севркә хавснд шигдсн эдл болад, өргмәж, өслт заяһад өвклзүләд оркдгнь бәәнә [ҮҮ 1967: 49] ‘Песня, понравившись всем, западает глубоко в душу (букв. межреберье и ребра),

она, порождая вдохновение и развитие, может превознести человека».

Солю бара ядад бээдг хотна бичкүд, нег-негнаси зэңг авцисн кевтэ, ирлдэ бээжс, Олдан гериг дүүргихэв [ЧХ 1963: 28] ‘Дети, замечаящие появление незнакомых людей в хотоне, словно получали друг от друга известие, стали приходить и наполнили дом Ольды’.

Вторую группу калмыцких полупредикативных предложений составляют предложения, в которых сравнительные формы образуются с помощью сложных союзов типа *гисн кевтэ, гисн мет, гисн дүңгэ, гисн эдл*, возникших с помощью дицциального глагола *гис* и сравнительно-уподобительной частицы: *дүңгэ, мет, кевтэ*:

Калм. *Теңерин сар чигн үзгдхи, зул «сарин ормд биднедн» гисн кевтэ, өңгэ оддуд, ора деер, оһтрһун жүртнд чичрһнжс чирмлднэ* [УУ 1967: 73] ‘На небе не видать даже луны, только цветные звезды мерцают на небесном своде, словно говорят: «Мы вместо луны»’.

На калмыцком материале третья группа сравнительных конструкций в составе оборотов и предикативных единиц представлена компаративами с усилительными частицами в зависимой части:

Калм. *Малын гүүлдэн, мөртэ улсин ниргэн, нохасин хуцдан, энд-тендэс шин ирэд харһлдсн улсин күүндэн цуһар негдэд, ниргэд, негл ээмг хольврад, хутхлдад, догшин гүүдлтэ холын урсхл мет болжс медгднэ* [УУ 1967: 87] ‘Движение скота, суета конных людей, лай собак, разговоры только что приехавших с разных сторон людей — все это вместе казалось, что все стало вверх дном, перемешалось и было похоже на реку с быстрым течением’.

Калм. *Нам эврэнчнь болв чигн, энүгичнь гергичнь меддг болхла, үүрәсн биш, бийәсн чигн хармнхч, — гижс Бадм намаг улм һацав* [УУ 1967: 119] ‘Если даже они (деньги) твои, но если о них знает жена, ты пожалеешь не только для друга, но и для себя — подзадоривал меня Бадма’.

Калм. *Тамара Николаевна ода саак гиичлэж иржс йовх метэр, һанихн чемода һартан бэрчкэд, машинәс буусн баахн күүкн биш* [УУ 1967: 34] ‘Тамара Николаевна сейчас не та молодая девушка, которая, словно шла в гости как обычно, взяв в руки один чемодан, выходила из машины’.

К четвертой группе сравнительных конструкций на материале калмыцкого языка относятся предложения с соотносительными сравнительными формантами в основном предложении и частицами *шуд* ‘только’, *нег чигн* ‘ни’, *таишр* ‘к тому же’ и другие.

Калм. *Кү ална гидгнь нам шуд нохан кичг алнас амр юмн болад бээв* [УУ 1967: 89] ‘Убить человека стало легче, чем убить щенка собаки’.

Калм. *Авснь авальнь өңерсн йовдл Бамбад кецу гидг зовлһта, деерәс давад, дарад цоксн мет болв* [УУ 1967: 5] ‘Смерть супруга для Бамбы была очень трудным мучительным событием, сверх этого сковывало, подобно удару сверху’.

Калм. *«Кедү му болвчнь атх ноос, амсх үс өгнә, тегэд бәрэд бәәнәвдн», — гижс фермин толһач хәрү өгв* [УУ 1967: 125] ‘Каким бы плохим ни был (скот), он дает щепоть шерсти, глоток молока, поэтому и содержим», — ответил заведующий фермой’.

Говоря о данной группе сравнительных конструкций на материале тюркских языков необходимо отметить, что ученые-тюркологи также делят данные образования на четыре типа. Например, в уйгурском языке полипредикативные предложения со сравнительной семантикой делятся на следующие четыре группы:

1) предложения, в структуру зависимого сказуемого которых входит аффикс уподобления *-дәк*;

2) предложения с послеложной формой зависимого сказуемого;

3) предложения с грамматикализованными глагольными формами *болуп, қилип*;

4) предложение с относительными словами типа *қандақ-шундақ* и формой инфинитивного сказуемого с аффиксом условного наклонения на *-са* [Абдуллаев 1989].

Подобная четырёхступенчатая система делений данных конструкций реализуется и на материале якутского языка: первая группа с падежными аффиксами, вторая — с послеложной формой зависимого сказуемого *-лыы*, третья — со служебными словами, четвертая — с относительными словами в главной части [Васильев 1983]. Например, уйг. *Өйдикиләр қайнаватқан қазанға сог су куйгандәк бирдинла унчуқмай қалди* ‘Домашние вдруг замолчали, словно в кипящий казан неожиданно (кто-то) налил холодной воды’. Здесь резкое прекращение разговора

домочадцев сравнивается с типовой в тюркском сознании ситуацией резкого изменения состояния, когда в кипящий котел наливают холодную воду и процесс кипения прекращается.

В данном примере позицию эталона сравнения занимает развернутый оборот, который является предикативной единицей с неопределенно-личным субъектом. Это конструкция возглавляется инфинитивной формой глагола на *-ган* с аффиксом уподобления *-дэж*.

Таким образом, рассмотрены основные лексико-синтаксические группы сравнительных конструкций в тюркских и монгольских языках, функционально-грамматическое деление внутри каждой группы позволяет говорить о типологической близости механизмов и моделей компаративных образований в изучаемых языках.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- БФ А — Байрамова Ф. Ана. Казань: Аяз, 2016. 175 с. [Bayramova F. *Ana* [The Mother]. Kazan: Ayaz, 2016. 175 p. (In Tat.)]
- ТК hM — Тохтамов К. хаятка мухаббат. Роман. Алмута: Жазушы, 1976. 223 с. [Tokhtamov K. *hayatka mukhabbat* [Love for Life]. Novel. Almaty: Zhazushy, 1976. 223 p. (In Kaz.)]
- СЗ ЖС — Самади З. Жиллар сире. Роман. Алмута: Жазушы, 1979. 384 с. [Samadi Z. *Zhillar siri* [Mysteries of the Years]. Novel. Almaty: Zhazushy, 1979. 384 p. (In Kaz.)]
- СА А — Саспаев А. Ангемелер. Рассказы. Фрунзе: Кыргызстан, 1987. 184 с. [Saspaev A. *Angemeler* [Short stories]. Frunze: Kyrgyzstan, 1987. 184 p. (In Kyrg.)]
- YU — Доржин Басң. Мини үйин улс. Очерк болн келвермүд. Элст, 1967. 94 х. [Dorjin Basng. *Mini üyin uls. Ocherks boln kelvermüd* [My kin people: essays and short stories]. Elista. 1967. 94 p. (In Kalm.)]
- ЧХ — Доржин Басң. Чик хаалһ. Роман. Элст. 1963. 256 х. [Dorjin Basng. *Chik khaaly* [The Right Way]. Novel. Elista. 1963. 256 p. (In Kalm.)]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абдуллаев 1989 — Абдуллаев С. Н. Синтаксис // Строй уйгурского языка. Алма-Ата: Наука, 1989. 470 с. [Abdullaev S. N. Syntax. *Stroy uygurskogo yazyka* [The Uighur language and its structure]. Alma-Ata: Nauka, 1989. 470 p. (In Rus.)]
- Болдырев 2016 — Болдырев Н. Н. Когнитивная лингвистика. М.; Берлин: Директ-Медиа,

2016. 251 с. [Boldyrev N. N. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2016. 251 p. (In Rus.)]

- Болдырев 2006 — Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22. [Boldyrev N. N. Language categories as forms of knowledge. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2006. No. 2. Pp. 5–22. (In Rus.)]
- Васильев 1980 — Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 62–71. [Vasiliev Yu. I. Means to express comparison in the Yakut language. *Narody i yazyki Sibiri* [Peoples and languages of Siberia]. Novosibirsk, 1980. Pp. 62–71. (In Rus.)]
- Васильев 1983 — Васильев Ю. И. Сравнительные придаточные предложения в якутском языке // Исследования по грамматике якутского языка. Якутск: Наука, 1983. С. 27–34. [Vasiliev Yu. I. Comparative sub-clauses in the Yakut language. *Issledovaniya po grammatike yakutskogo yazyka* [Yakut grammar studies]. Yakutsk: Nauka, 1983. Pp. 27–34. (In Rus.)]
- Голубева 2016 — Голубева Е. В. Устойчивые сравнения как способ когниции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (66). Тамбов: Грамота, 2016. С. 88–91. [Golubeva E. V. Stable comparisons as a way of cognition. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12 (66). Tambov: Gramota, 2016. Pp. 88–91. (In Rus.)]
- Демьянков 1994 — Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33. [Demyankov V. Z. Cognitive linguistics as a form of the interpretative approach. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1994. No. 4. Pp. 17–33. (In Rus.)]
- Донидзе 1975 — Донидзе Г. И. Хакасский язык // Языки мира: Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 459–470. [Donidze G. I. The Khakass language. *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki* [Languages of the world: Turkic languages]. Moscow: Indrik, 1997. Pp. 459–470. (In Rus.)]
- Мушаев, Мушаева 2016 — Мушаев В. Н., Мушаева В. И. Исследования этнического языкового сознания и ассоциативный эксперимент (на материале калмыцкого языка). Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4. С. 91–95. [Mushaev V. N., Mushaeva V. I. A case study of ethnic linguistic consciousness and an associative experiment (evidence from the Kalmyk language). *Vestnik KIGI RAN*. 2016. No. 4. Pp. 91–95. (In Rus.)]

- Мушаев 2017 — *Мушаев В. Н.* Средства сравнения в произведениях калмыцкого фольклора («72 небылицы» и «Седклин кюр») // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 4. С. 91–100. [Mushaev V. N. Means of comparison in Kalmyk folklore. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2017. No. 4. Pp. 91–100. (In Rus.)]
- Пюрбеев 2016 — *Пюрбеев Г. Ц.* Анализ компаративных конструкций в калмыцком фольклоре // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4. С. 115–121. [Purbeev G. Ts. Analysis of comparative constructions in Kalmyk folklore. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2016. No. 4. Pp. 115–121. (In Rus.)]
- Пюрбеев, Голубева 2017 — *Пюрбеев Г. Ц., Голубева Е. В.* Устойчивые сравнения в речи калмыков. Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 4. С. 61–68. [Purbeev G. Ts., Golubeva E. V. Idioms in the speech of Kalmyks. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2017. No. 4. Pp. 61–68. (In Rus.)]
- Тыбыкова 1988 — *Тыбыкова Л. Н.* Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск: [б. и.], 1988. С. 111–127. [Tybykova L. N. Means to express comparison in the Altaian language. *Voprosy altayskogo yazykoznaniiya* [Altaic linguistics]. Gorno-Altaysk, 1988. Pp. 111–127. (In Rus.)]
- Черемисина 1976 — *Черемисина М. И.* Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с. [Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka* [Russian comparative constructions]. Novosibirsk: Nauka, 1976. 270 p. (In Rus.)]
- Черемисина, Шамина 1996 — *Черемисина М. И., Шамина Л. А.* Выражение сравнения в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск, 1996. С. 65–85. [Cheremisina M. I., Shamina L. A. Expressing comparison in Tuvan. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. Is. 3. Novosibirsk, 1996. Pp. 65–85. (In Rus.)]
- Эрдниева 2017 — *Эрдниева Э. В.* Сравнение в калмыцких загадках. Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 3. С. 100–108. [Erdnieva E. V. The use of comparison in Kalmyk riddles. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2017. No. 3. Pp. 100–108. (In Rus.)]

Expressing Comparative Relations in Mongolic and Turkic Languages: Typology of Forms

Vladimir N. Mushaev ¹,

Saifullah N. Abdullayev ²

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Department of Kalmyk Language, Mongol and Altaic Studies, Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8321-7667>. E-mail: mushaev_vn@mail.ru

² Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Tynystanov Issyk-Kul State University (103, Abdrakhmanov Str., Karakol, 722200, Kyrgyz Republic). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2873-6397> E-mail: igu@issyk-kul.kg

Abstract

Introduction. The modern way of self-cognition and that of the surrounding world is a systematic and consistent assessment and interpretation through language pictures of the world. Comparative education is one of the means to determine the ethno-linguistic core of the linguistic consciousness of language speakers.

Goals. The paper – on the basis of materials from a number of Turkic and one Mongolic (Kalmyk) languages – aims to investigate the main typological forms to express comparative relations through three main objectives as follows: a) identification of lexical-semantic groups; b) identification of their respective grammatical forms; c) determination of their typological affinity within the languages under consideration.

Materials. With evidence from Turkic and Mongolic (Kalmyk) languages the paper investigates the basic typological forms expressing relations of comparison by three major groups: a) ones with lexical indicators of comparison, b) comparative constructions with morphological indicators of comparison, c) comparative constructions with indicators included into predicative units and explicit phrases. Those are two prose books by the classic of Soviet Kalmyk literature B. Dordzhiev - a novel in two parts 'The Right Way' and a collection of essays and short stories 'People of My Generation' - that serve as research illustrative materials. Turkic samples have been borrowed from newspaper and folklore texts, as well as fiction books. The continuous sampling method has been used to collect over 200 diverse forms of comparative constructions from the mentioned texts for further conclusions.

Results. The three main lexical and syntactic groups of comparative constructions in the Mongolic and Turkic languages examined along with their functional and grammatical characteristics make it possible to speak about a typological proximity of mechanisms and types of comparative patterns in the explored languages.

Keywords: comparative constructions, predicative unit, poly-predicative sentences, communicative aspect, grammatical aspect, modus, interpretative aspect